

Письма из эмиграции (Венок сонетов)

Нина Басанина

Нина Басанина о себе

Я родилась в Питере (тогда Ленинграде). Отца не помню. Он был расстрелян, когда мне было 2 года. Как семья «врага народа», мы - мама, сестра и я - были высланы и скитались вплоть до реабилитации в 1958 году. Поволжье, Урал, Казахстан, Западная Украина, Башкирия - вот путь наших скитаний. Мама, начинающая прима-балерина, вынуждена была работать в клубах и домах культуры - учила танцевать детей и рабочую молодежь.

Стихи я начала писать очень рано, но в юности увлеклась математикой. К литературе, стихам вернулась всерьез лишь во второй половине жизни. Окончила факультет журналистики Ленинградского университета, 25 лет проработала редактором на ленинградском телевидении.

В США с 1992 года. Обычный стандартный путь - уборка, уход за стариками, работа в банке. Муж, Петр Дубов, математик и художник, умер здесь, не дожив до 56. У меня два сына и маленькая американская внучка.

Самому верному и преданному существу на свете — Каю, эргельтерьеру.

1

Привет, мой друг, привет! Моё стило,
Ты знаешь, не обучено свободе,
Метаморфозы в людях и в народе
Ему всегда даются тяжело.

Итак, мы здесь. Которое число
Сегодня на дворе? А год в природе?
Так, стало быть, уж третий на исходе,
Как нас под это небо занесло.

Чудесный край! Детишки — не в узде,
Старушки — одуванчики! Везде
Газончики подстрижены фронтально.

Обильный край, куда ни посмотри.
Жаль, что не мой! И потому внутри
Скрипит, увы, отнюдь не музыкально.

2

Скрипит, увы, отнюдь не музыкально,
Сползая с языка, чужая речь,
Когда ты в звуки новые облечь
Стремишься то, что чуждо изначально,

Что нынче называется — ментально
Различный склад характера, сиречь —
Иной душевно. И вопрос — сберечь
Его иль поменяться кардинально?

Возвышенное «Быть или не Быть»
Судьба решила в головы вдолбить,
Спустив с высот и повернув буквально.

Нас учат быть практичней и ясней,
А мы хватаем мысль и тоном с ней
В попытке передать нетривиально.

3

В попытке передать нетривиально
В беседе суть хранимых нами крох
От прошлой жизни — есть всегда подвох
Запутаться весьма фундаментально.

Наедине же, трезво и реально
Пересмотрев — хорош он или плох,
Наш новый путь, - мы подавляем вздох
И смотрим вдаль, тоскливо и печально.

Непостижимы Божии творенья!
Как должное приняв приобретенья,
Грустим о том, что навсегда ушло.

И продолжаем полоскать потери,
А потому не ценим в полной мере,
Как, видимо, нам в жизни повезло.

4.

Как, видимо, нам в жизни повезло!
Подумай, живы! Не трясёт простуда!
(Какая всё же странная причуда
Судьбы - до взлёта перебить крыло!)

А что у вас? На улице светло?
Как там насчёт обещанного чуда?

Горячкой потребительского зуда
И наш любезный край не обошло?

Всё склоки да ворьё? Ну хоть не зоны!
У экономики свои законы
Решать, что есть добро и что есть зло.

Но управляя не всегда приятно,
Она права в итоге, вероятно:
Вокруг так сыто, чисто и тепл

5
Вокруг так сыто, чисто и тепло,
Но, главное, - великая свобода!
А эта вещь неведомого рода
Подчас ложится влагой на чело.

И верно — не пустое ремесло:
Без всякого надзора и ухода
Ходить свободно дальше огорода
И даже править в сторону весло!

К тому же совместить свободу всех
Пойди попробуй, не войдя во грех: -
Тому — вольно, другому — аморально!

А чуть не так — в набаты будут бить,
Чтоб тонкую проблему разрешить
Улыбчиво, комфортно, капитально.

6
Улыбчиво, комфортно, капитально
Ухожен, обустроен средний класс
(Не то, что обыватели у нас!),
Здоров и крепок профессионально.

Налоги платят пропорционально,
Кругом соцветье колоров и рас —
Мечта социалистов! В самый раз
«Отцам» проснуться, глянуть персонально.

Что ж удивляться, что бегут сюда,
А не отсюда, если господа —
Хозяева радеют социально!

Какой стране от этого резон?!
Но кормят, поят, платят пенсион,
Что странно, если не парадоксально.

7
Что странно, если не парадоксально,
Так это удивительный нюанс,
О коем можно сочинить романс
И исполнять в концерте пасторально.

Улыбка! Повсеместно и тотально
Она цветёт, как выигранный шанс,

Здесь, как одежду, носят реверанс,
Хотя порою лишь официально.

Но, знаешь, не пойми меня превратно,
Она мне и формальная приятна —
Столь искреннее хамство допекло!

Вот так ежеминутно извиняясь,
Пусть часто невпопад, но улыбаясь,
Мы крылышками бьёмся о стекло.

8
Мы крылышками бьёмся о стекло,
Ссылая с них пыльцы рисунок нежный,
(По воле злой, а может, неизбежной),
Скорбя о том, что сбывться не смогло.

И всё ж судьбе насмешливой назло
Хотелось бы сберечь свой пыл мятежный —
Не ждать же покрываясь пылью снежной,
Когда зажгут на выходе табло!

«Как раз на жизнь свобода опоздала!»
Мы — постояльцы вечного вокзала
На площади всемирно — городской!

И смотришь вспять, как в старом анекдоте.
Что время-то, пожалуй, на излёте,
Осознавая с грустью и тоской.

9
Осознавая с грутью и тоской,
Что партия проиграна, похоже,
Мы на последний козырь ставим всё же
В игре, подозреваю, плутовской.

Надеясь — круговерти колдовской,
Быть может, дети, став сильней и строже,
Сумеют разобраться, что дороже,
Что истиннее в суете мирской.

Но оборотной стороной свободы,
Мы платим за отпущенные годы!
Уходят дети, прихватив покой.

И ты всё в той же призрачной надежде,
Ведь в этой жизни, впрочем, как и прежде,
Ты гость случайный из толпы людской...

10
Ты гость случайный из толпы людской,
Вдруг выигравший приз, достойный оды,
На право перестройки в духе моды
Себя своею собственной рукой

(Как нас всю жизнь учили!). А покрой
Плюс образец желаемой породы

С цветным купоном на бутылку соды
В бесплатном приложении под рукой.

Но примеряя этот новый вид,
Ты смотришься опять как индивид
И до стандарта, чувствуешь, далеке.

Так и стоишь, держа в руке буклет.
Какой-то, право, карточный валет,
Попавший на чужой семейный вечер!

11

Попавший на чужой семейный вечер
В приветливый, гостеприимный дом,
Ты — посторонний, коему с трудом
Понятны тосты, поздравленья, речи.

Участливо обняв тебя за плечи,
Осведомился кто-то: виски? ром?
Прошёл.. Забыл. Несут воды со льдом.
Желают благ. Жмут руки. Гасят свечи.

Ты вновь один в своём углу далёком.
Твой верный пёс приткнулся тёплым боком.
В подвальчике чуть брезжит лунный свет...

Вот так-то, друг. Слегка хандрит погода.
Оно всегда в такое время года.
Но надо жить. А может быть, и нет.

12

Но надо жить. А может быть, и нет!
Вопрос бессмертен, судя по Шекспиру,
И теребя классическую лиру,
Решается уже пять сотен лет.

Ведь если ты попал в кордебалет,
А мыслил, что рождён явиться миру,
Твоя звезда склоняется к Надиру
И манит не мишень, а пистолет.

Но медный крест, темнея на цепочке,
Пожалуй, весит больше. Значит, точке
Ещё не время. Перечти Завет.

К тому же с неба утром хмурь упала.
Решать с конца иль начинать сначала?
У каждого свой собственный ответ.

13

У каждого свой собственный ответ
На все животрепещущие темы,
И укажи на выход из проблемы —
Когда и кто послушает совет!

Конечно, можно и на склоне лет,
Приняв, что нет решения дилеммы,
Использував румяна или кремы,
Создать оптимистический памфлет.

Но, в общем — выбор, сделанный тобой
(Из, правда, ограниченных судьбой
Двух — трёх ассортиментов) не перечит

Той истине, что жизнь тебя вокруг
Действительно прекрасна, милый друг.
Итак, прощай. Нет, всё-таки, - до встречи.

14

Итак, прощай? Нет, всё-таки — до встречи!
Post Scriptum сей наваян красотой,
Возникшей тут, на днях, в природе, той,
Что поражает глаз и душу лечит.

С утра — октябрь. Пока не топят печи.
Он запылал в листве, ещё густой.
Октябрь здесь, как солнечный настой
(Забавно, жизнь полна противоречий!)

Перед пожаром красок, цвета, пятен
Бессильна кисть, язык письма невнятен.
И смотришь вверх, от сердца отлегло.

Не потолок, а синь над головами,
И снова можно день начать словами:
«Привет, мой друг, привет, моё стило!»

15

«Привет, мой друг, привет! Моё стило
Скрипит, увы, отнюдь не музыкально,
В попытке передать нетривиально,
Как, видимо, нам в жизни повезло.

Вокруг так сыто, чисто и тепло,
Улыбчиво, комфортно, капитально,
Что странно, если не парадоксально,
Мы крылышками бьёмся о стекло,

Осознавая с грустью и тоской:
Ты — гость случайный из толпы людской.
Попавший на чужой семейный вечер!

Но надо жить. А может быть, и нет.
У каждого свой собственный ответ.
Итак, прощай. Нет, всё-таки — до встречи!

*Сентябрь — октябрь 1995 г.
Belmont*

